

МОРАЛЬ, ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО

В.А. Подорога

ИМЯ: СТРАХ. ОБ ОДНОЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ СТРАСТИ

Подорога Валерий Александрович – заведующий сектором аналитической антропологии, профессор, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: vpodoroga@mail.ru

Задача настоящей статьи – определить основные модальности понятия страха, которые могут быть исследованы *топически*. Если страх выступает в единстве опыта, не переставая различаться внутри него, то страх не вещь, а отношение между все более утонченной чувствительностью к опасностям и возможностью/невозможностью их избежать. Рассматривается аргументация Киркегора, Сартра, Хайдеггера, Ясперса, Фрейда. К страху как имени для всех «страхов» относятся четыре определяющие общую схему модальности: тревога, «страх реальный» (Realangst), боязнь/фобии, страх изначальный (Ur-Angst). Между ними существует взаимодействие, которое позволяет проследивать переходы от одной модальности страха к другой по аналогии с «водооборотным движением», чья динамика зависит от силы эмоциональных переживаний.

Ключевые слова: метафизика, головокружение-перед-бездной, воронка, тревога, страхи/фобии, реальный страх, ничто, топика страха, страх изначальный, страх Божий, кастрационный страх, страх рождения

Для цитирования: Подорога В.А. Имя: Страх. Об одной экзистенциальной страсти // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 3. С. 49–66.

Еще через пять минут вся картина снова изменилась до неузнаваемости. Поверхность моря стала более гладкой, воронки одна за другой исчезли, но откуда-то появились громадные полосы пены, которых раньше совсем не было. Эти полосы разрастались, охватывая огромное пространство, и, сливаясь одна с другой, вбирали в себя вращательное движение осевших водоворотов, словно готовясь стать очагом нового, более обширного. Неожиданно – совсем неожиданно – он вдруг выступил совершенно отчетливым и явственным кругом, диаметр которого, пожалуй, превышал полмили. Водоворот этот был опоясан широкой полосой сверкающей пены; но ни один клочок этой пены не залетал в пасть чудовищной воронки: внутренность ее, насколько в нее мог проникнуть взгляд, представляла собой гладкую, блестящую, черную, как агат, водяную стену с наклоном к горизонту под углом примерно в сорок пять градусов, которая бешено вращалась стремительными судорожными рывками и оглашала воздух душераздирающим воем – не то воплем, не то ревом, – какого даже могучий водопад Ниагары никогда не воссылает к небесам.

*Эдгар По*¹

¹ По Э. Полное собрание рассказов. М., 1970. С. 312.

Паскаль носил в душе водоворот без дна –
 все пропасть алчная: слова, мечты, желанья
 Мне тайну ужаса открыла тишина,
 И холодею я от черного сознанья
 Вверху, внизу, везде бездонность, глубина
 Пространство страшное с отравой молчанья
 Во тьме моих ночей встает уродство сна
 Многообразного, – кошмар без окончанья.
 Мне чудится, что ночь – зияющий провал
 И кто в нее вступил, – тот схвачен темнотою.
 Сквозь каждое окно, – бездонность предо мною.
 Мой дух с восторгом бы в ничтожестве пропал,
 Чтоб тьмой бесчувствия закрыть свои терзанья
 – А! Никогда не быть вне Чисел, вне Созданья!

Шарль Бодлер

У страха много имен... Как феномен страх очевиден, но не более того, поскольку феномен этот крайне неустойчив: скользкий, переходный, он действует в повседневности хотя и безостановочно, но случайным образом. Невозможно сказать: вот он страх! Страх безлик и не имеет имени, или, точнее, есть СТРАХ, и «имя ему легион». Ведь страх – это и ужас, и боязнь, и трепет, наконец, священный ужас, именно тот, который Р. Отто называет *mysterium tremendum*². Страх находит свое множественное имя в фобиях, тревогах, озабоченностях, маниях и других аффективных состояниях, претерпеваемых нами с разной интенсивностью и частотой³.

В словаре Владимира Даля *страх* означает все, что как-то может относиться к страху: это «...страсть, боязнь, робость, сильное опасение, тревожное состояние души от испуга, от грозящего или воображаемого бедствия». Замечу, что здесь выделено *зрительно-оптическая* функция: «Страху в глаза гляди, не смигни!», «У страха глаза велики», «Слепой страх напал на всех». А также – функция *собственности*: страх – всегда *чей-то*, кто-то его *имеет*, страх *твой*, *его*, *их*. Если мы обращаемся к статье, где разбирается *тревога*, то находим совсем иные коннотации, почти не привязанные к страху: *тревога* – это «беспокойство, суета, забота, смятенье, сполох; испуг, суматоха, внезапный шум (как призывной, сборный знак)», но также «тревожное время, беспокойное, тягостное, где нет покою, все ждешь, боишься чего-то». И наконец, *ужас* (или *ужасть*): «состояние ужасающегося, внезапный и сильный страх, страсть, испуг, внутреннее содроганье, трепет, от боязни и отвращения», оцепенение, невозможность «взглянуть ужасу в глаза»⁴. Несмотря на то что в словаре эти вариации страха четко разделены, между ними существуют и переходы, т.е. ни одно из этих состояний не отделено друг от друга в повседневности наших чувств. Вопрос в том, существует ли *общее место* (topoi) для всех страхов и как его найти? Это место можно

² Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношения с рациональным. СПб., 2007. С. 21–52.

³ Настоящая статья – поиск подходов к теме интенсивы страха и определению ее места в общей миметической теории. Собственно, она продолжает ряд моих исследований – «Мимесис. Аналитическая антропология литератур» (Т. 1–2. М., 2006–2011), «Вопрос о вещи. Опыты по аналитической антропологии» (М., 2016), «Антропограммы» (СПб., 2017), – в которых я ставил сходные задачи на материале литературы и современного искусства.

⁴ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. IV. М., 1955. С. 336–337, 427, 477.

определить, только исходя из того изначального единства имени Страх и тех его различий по интенсивности проявления и устойчивости, которые сообщают динамику чувству опасности. Топика страха тогда там, где Страх как имя выступает в совершенном единстве опыта, не переставая различаться внутри него. Тогда страх не вещь, а отношение между все более утонченной чувствительностью к опасностям и возможностью/невозможностью их избежать. Страх – и симптом, и способ защиты, но страх, ставший ужасом, подводит нас к такой реакции, которая может нас разрушить; чудовищное в страхе, невыносимое, превращает нас в камень, поэтому испытывавший ужас окаменевае⁵.

1. Головокружение-перед-бездной

Мотив *бездны* – «головокружение-перед-бездной» – часто повторяется в философских размышлениях и литературных образцах, причем в самых неожиданных контекстах, планах и программах исследования. В частности, им активно пользовались крупнейшие мыслители экзистенциально-онтологической традиции (С. Киркегор, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр), когда пытались представить топик изначального страха в виде образа *бездны*⁶. Топику «головокружения» мы встречаем также в известных работах Г. Башляра, Р. Кайуа, Ж. Лакана, Р. Жирара.

Топологический образ *бездны* составляется из нескольких элементов: это *воронка* как некое углубление достаточно правильной, почти геометрической формы, которая образуется в результате *водоворотного движения* (сильного вращения, ускоряющегося к центру темной дыры, но это также и вихри, ветры, порывы). Здесь центростремительные силы доминируют над центробежными, широким кругом изменений мы все более и более втягиваемся в движение, которым больше не в силах управлять. Но воронка – это и *пустота*: пространство, в котором нельзя занять «место»; ощущение пустоты – это потеря ориентации в пространстве/времени. Далее важно наличие *взгляда*, поскольку именно взгляд вовлекает, фокусируется на чем-то, расплывается; взгляд, которым смотрит на тебя бездна, когда ты, заколдованный ею, ослепленный собственным влечением, теряешь разум. Бездна – то, что *без-дна*, т.е. то, что не имеет дна. М. Хайдеггер часто использует *Abgrund* (*Ab-grund*, буквально, без дна, без основы, оснований, пропасть или дыра). Заглядывая в бездну, мы испытываем головокружение, но *заглядываем*, она нас влечет, но тут же отшатываемся от ее края. С трудом «отводим взгляд...». Итак, на первый план выходит *в з г л я д*; без него нельзя заглянуть-в... и отпрянуть назад, именно с ним что-то происходит, когда то,

⁵ Vernant J.-P. La mort dans les yeux. Paris, 1985. P. 75–82.

⁶ Derrida J. Les Yeux de la langue. L'abime et volcan. Paris, 2012. P. 36.

Язык существует как себя называющий, говорить – это называть. Вот почему язык – это ИМЯ, и вот почему язык не поясняется метафорой *вулкана*, а другой, менее устойчивой, и противоположной – метафорой *бездны*, того, что хранит себя в пропасти без-дна. Говоря и полагая, что мы говорим из самого нашего говорения, мы думаем, что движемся по поверхности, устойчивой плоскости повседневного использования языка, на самом деле «...нет поверхности. Имеется только пропасть (бездна, abyss). Язык сакральный есть бездна». Но еще более значимо то, что бездна (пропасть) есть сам язык, «поскольку и то и другое имеет место, их место, без какой-либо объективирующей топологии, в имени: “Sprach ist Namen”» (Деррида Ж. Вокруг Вавилонских башен. СПб., 2002. С. 21–25).

на что он устремлен, продолжает исчезать в своей глубине, не давая ему сфокусироваться, «удержаться» на дистанции⁷.

Обратимся к примерам.

а) *Логика возможного* (С. Киркегор). В диалектике *страха* Киркегора мы имеем дело с религиозным пониманием страха, который «вступил в мир» вместе с грехом. Собственно, любой страх изначально – это *страх перед грехом*. Отсюда *без-основность* – главное его онтологическое качество. Страх *есть бездна*, и этим все сказано. Вот как это представляет себе Киркегор: «Страх можно сравнить с головокружением. Тот, чей взгляд случайно упадет в зияющую бездну, почувствует головокружение. В чем причина этого? Она столько же заложена в его зоре, как и в самой пропасти, – ведь он мог бы и не посмотреть вниз. Точно так же страх – это головокружение свободы, которое возникает, когда дух стремится полагать синтез, а свобода заглядывает вниз, в свою собственную возможность, хватаясь за конечное, чтобы удержаться на краю»⁸. И в другом месте: «В действительности ни один не может погрузиться так глубоко, чтобы ему невозможно было погрузиться еще глубже и чтобы не было хотя бы еще одного или многих, которые погрузились еще глубже. Однако тот, кто погрузился в возможность – взгляд его затуманился, глаза утратили ориентировку...»⁹ Киркегор представляет страх полноправным субъектом отношений, чуть ли не обладателем особого характера, что делает из страха некое существо, которое действует по своему усмотрению, но всегда достигая успеха: страх «держит на расстоянии», «потенцируется в раскаянии», «забегает вперед», «в отчаянии бросается», «высасывает» и т.п.¹⁰ Страх вездесущ и неопределим, он – повсюду, он – изначальное определение человеческого бытия. Дух проявляется в виде свободы, в каждое временное мгновение может исполниться, т.е. все может случиться, а это значит: все возможно, «все под Богом ходим». А если так, то страх появляется как страх перед тем, что может случиться, и этот страх ориентирован на знание возможного, оно позволяет представить себе возможное в виде образов страха и опередить страх. Так Киркегор связывает временность со страхом, а страх с возможным. Страх оказывается не тем, что приходит извне, а тем, что ожидают, не *страхом-из-за-чего*, а страхом внутренним, *субъективным*, тем страхом, который создают экзистенциальное переживания трансцендентности бытия.

б) *Страх как тревога и ничто* (М. Хайдеггер). В немецкой литературной и философской традиции, начиная с Лютера, в понимании страха (и его переводах) доминирует вид слабой оппозиции: *Angst – Furcht* (в русском языке это *страх и боязнь*). Существует несколько версий перевода этой оппозиции на русский язык: в первой версии перевод «страх – боязнь», в другой – «ужас – страх», в третьей – «тревога – страх». Причем один термин всегда определяет другой и доминирует над его значением, более «слабым» в этой асимметричной связке. Другими словами, переводческие кальки определяются прагматическими стратегиями (мировоззренческими), и от них

⁷ Липавский Л. Исследование ужаса. М., 2005. С. 39–40: «Головокружение и состоит в ослаблении, колебании фиксации, смазывании очертаний, которое и создает ощущение движения, хотя самого характерного и необходимого для ощущения движения налицо нет, – “неподвижное движение”».

⁸ Киркегор С. Страх и трепет. М., 1993. С. 160.

⁹ Там же. С. 245.

¹⁰ Там же. С. 246.

не отделим выбор условий понимания. Причем более соответствующим ходу мысли Хайдеггера в «Бытии и времени» перевод *Angst* будет *тревогой*, *тревожностью* (об этом со всей очевидностью свидетельствует контекст использования термина). Другое дело, ответ на вопрос, что есть ужас? Это имя бездны! Хайдеггер отличает его от страха и боязни, чья соотношенность с предметными областями и локализациями опасности очевидна и всегда наглядно проявляется. Ужас нами переживается ни в какой-то определенности, а в невозможности пережить сам ужас, ведь по сути дела он убивает нас, если длится больше мгновения.

Ужас перебивает в нас способность речи. Поскольку сущее в целом ускользает и надвигается прямое Ничто, перед его лицом умолкает всякое говорение с его «есть». То, что охваченные жутью, мы часто силимся нарушить пустую тишину ужаса именно все равно какими словами, только подчеркивает *подступание* Ничто. Что ужасом приоткрывается Ничто, человек сам подтверждает сразу же, как только ужас отступит. С ясностью понимания, держащейся на свежести воспоминания, мы вынуждены признать: там *перед чем* и *по поводу чего* нас охватил ужас не было, «собственно», – ничего. Так оно и есть: само Ничто как таковое – явилось нам¹¹.

Хайдеггер расширяет метафору ужаса набором таких терминов, как «приоткрывание», «мгновение», «оказаться перед», «выдвинутость-к», «за-слоненность», и весь этот словарь относится к искусству подступаться к Ничто, делать убедительнее его присутствие в мысли. Но главное в основном вопросе метафизики «Почему бытие, а не ничто?!» – это невозможность его поставить без переживания изначального ужаса.

В отличие от ужаса (Schauer) страх (Angst) может быть идентифицирован как вариант безотносительного, беспокоящего страха, слабого по интенсивности, указывающего на нашу готовность к нему. Следовательно, *Angst* не страх и не может переводиться как страх. Но и *Furcht* нельзя переводить как боязнь, поскольку то, как строит Хайдеггер свои размышления о *Furcht*, делает его значение намного ближе к страху, а не к *боязни* (слово *боязнь* заперто в *осторожность*, *боязливость*, *испуганность* и т.п.). Термин *с т р а х* я беру в качестве *общего имени* для всех имен (проявлений) страха. Тем самым я решаюсь снять главную переводческую проблему: как, например, переводить с немецкого *Angst* или *Furcht* или Schauer и Schreck и т.п. Имя-Страх в таком понимании – исключительно субстанциональное понятие, некое постоянное состояние человеческого бытия, в котором мы пребываем как экзистенциальные существа¹². Я исхожу из того, что страх является *двойным* понятием или представлением: оно может быть сужено для использования в эмоционально бедной ситуации и, напротив, расширено в другой, чисто психологической или психопатической. Страх – некий плавающий образ всего того, чего мы можем опасаться. Чувство страха всегда

¹¹ Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993. С. 18–25.

¹² В повседневном использовании языковой нормы, за которой ведет наблюдение лингвист Вежицкая, нет никаких сомнений: «Образ страха (*Angst*), часто представляемый как “сидящий внутри” человека (например, *jemandem sitzt die Angst im Nacken*), согласуется с представлением о страхе (*Angst*) как о дпящемся внутреннем состоянии, не обязательно связанном с какими-либо сознательными мыслями о конкретных объектах, на которые направлен страх» (Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики прагматики. М., 2001. С. 60).

меньше и больше самого себя. Там, где оно *больше* себя, мы должны говорить о *готовности к страху*, о *тревоге* и *тревожности*, или *мнительности*, а там, где оно меньше, т.е. интенсифицируется, «сужается», и крайне обострено, мы должны говорить о боязни, очевидных опасениях, наконец, об ужасе.

в) *Головокружение-перед-бездной как аллегория*. Для Ясперса головокружение есть некое свидетельство существования мысли в пограничной ситуации: если бы мы были способны достичь абсолютного сознания, то мы узнали бы, что такое ужас Небытия. Соответственно, выделяются два вида страха: *экзистенциальный страх*, *existentielle Angst*, и *страх повседневный* (*Daseinsangst*). Сначала сцена, которая дает представление о головокружении, – «я стою перед бездной», «содрогаюсь в ужасе...», «...над крутым обрывом в бездну», – а потом объявление этого состояния пограничным, что может быть выражено в форме *аллегии*, т.е. особой топики смысловой структуры, представляющей момент головокружения. Страх – это головокружение, но сила страха и есть путь к абсолютному сознанию, с которого начинается истинная философская жизнь: когда в тебе размышляющем открывается через страх путь к бесстрашию, тогда бесстрашие есть Истина. «Самая крайность возможности *перед лицом бездны* становится истоком действительности экзистирования в непостижимом возвращении к самому себе»¹³. Головокружение, которое вызывается противоположными друг другу движениями, и есть тот страх, который приведет, в конечном итоге, к истинному познанию себя, – без него, без этого выхода к самому широкому видению себя и мира, невозможно осознать свободу как Абсолют. *Аллегория* для Ясперса маркирует зону экзистенциального испытания, опыт «пограничной ситуации», именно она представляет, делает чувственно доступным противоречие, которое удерживает единство образа, не давая ему распасться на фрагменты. Здесь есть все, чтобы представить топику изначального страха: бездна, стояние перед бездной, заглядывание в нее, оценивание и падение, есть и некоторые установочные образы (этические) экзистенции, находящейся в пограничной ситуации.

г) *Бездна – это Другой* (Ж.-П. Сартр). Рассуждения Сартра выстраиваются на примере все той же топики *б е з д н ы* – образа пропасти без дна, созерцание которой сопровождается головокружением, вызванным нарастающим чувством ужаса. По мнению Сартра, необходимо различать страх (*peur*) и тревогу (*angoisse*): «В этом смысле страх и тревога исключают друг друга, поскольку страх является не отражающим восприятием трансцендентного, а тревога – рефлексивным восприятием себя; одно вызывает разрушение другого, и нормальный процесс в случае, который я только что привел, оказывается постоянным переходом одного в другое»¹⁴. Страх определяется им как *сила*, *глубина*, *направленность*, причем в определенной ситуации. Тревога – это совсем иное: она ощущается, когда я опасаясь самого себя, т.е. могу совершить нечто для меня крайне опасное, будучи не в состоянии справиться с собой, например, опасаясь собственного желания броситься в пропасть в отличие от естественного стремления ее избежать

¹³ См. соответственно: Ясперс К. Философия. Книга вторая: Просветление экзистенции. М., 2012. С. 270; Jaspers K. Philosophie. II Existenzhellung. Berlin; Gottingen; Heidelberg, 1956. S. 265.

¹⁴ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М., 2000. С. 66.

и проявить предусмотрительность – вот, что мы называем страхом: «Головокружение является тревогой в той степени, в которой я опасаясь не сорваться в пропасть, а броситься туда»¹⁵. И далее: «Я нахожусь на узкой тропинке, без перил, которая тянется по краю пропасти. Пропасть предстает передо мной как то, что я должен избежать, она представляет собой смертельную опасность»¹⁶. Переходы мысли, которые совершает Сартр в ходе этого рассуждения, весьма любопытны: тревога и есть наше постоянное состояние, поскольку мы всегда есть то, что не есть; наша свобода есть свобода возможности быть свободными, т.е. не быть собой, а пользоваться этой свободой. Но это также значит быть не тождественным себе, неравным (надо заметить, что именно в страхе наша единственность и идентичность утверждается, не в тревоге). А это значит полагать «ничто, которое проникает между мотивами и действием», о чем ранее Сартр говорит еще более определенно: «внутри отношения (моего будущего бытия и настоящего), «проскальзывает ничто: я не являюсь тем, чем буду»¹⁷. Это ничто и есть ужас (*horror*), т.е. страх, который становится невыносимым.

Здесь важно, что мы вступаем в мир, где уже есть Другой, его присутствие выражается и *объектно*, и посредством *Взгляда*¹⁸. Мы следим за ним и видим, что он включен в мир, в котором присутствуем и мы. Тогда мы должны предположить, что наша способность захватывать центр мира может быть поставлена под сомнение. Именно Другой, что «рассматривает меня» с ожесточенным упорством, представляет собой что-то вроде *дыры в центре мира*, в которую устремляются вещи, и я не в силах остановить их бегство: мир «пронизывается опустошающей дырой в середине своего бытия и что он постоянно течет в эту дыру», мир обезбоженный¹⁹. Борьба за центр мира между мной и Другим – начальное условие понимания изменившейся функции Другого в экзистенциальном опыте.

д) *Головокружение как игра и трансгрессия*. Здесь также момент головокружения тесно связан с феноменом Другого (Бог, Животное, Чудовище, Враг/Друг). Внутреннее в данном случае страдает нехваткой Внешнего. Трансгрессия – особое переживание бытия, точнее, его выхода за собственные пределы, то, что С. Эйзенштейн называл *экстазом* и рассматривал как *эк-стазис*, как выход за себя.

Головокружение – результат непрерывного скольжения от прообраза-лица в эту систему распластанных, теряющих человеческие очертания деталей и снова обратно к лицу в мучительной попытке воссоздать процесс, через который одно стало другим, исходное – чудовищным результатом и чудовищный результат – снова – «обратно» – исходным (без чего его невозможно «прочесть», освоить, воспринять, включить в систему собственных нам представлений)²⁰.

«Дионисийское кружение» способно сообщаться и, как мы видели, сообщается всем различиям – семейным, культурным, биологическим, природным. В процесс вовлечена вся реальность и возникает галлюцинаторное

¹⁵ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М., 2000. С. 67.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 68.

¹⁸ Там же. С. 276.

¹⁹ Там же. С. 279.

²⁰ Эйзенштейн С.М. Избранные произведения: в 6 т. Т. 3. М., 1963. С. 175–176.

образование – не синтез, но бесформенная, безобразная, чудовищная смесь обычно разделенных существ²¹.

Идея одна и та же, но имеет две вариации: *позитивную*, когда мы обретаем новый опыт, не без воодушевления и риска, желая войти в иное состояние и ощутить более уверенно полноту бытия (вероятно, это вращение по часовой стрелке); *негативную*, так как есть нечто, что привлекает нас, к чему мы даже стремимся, но сможем ли, овладев им, вновь обрести себя, не стать жертвой галлюцинаций, не быть поглощенным собственным чудовищным Двойником? В отрицательном опыте «раскачивание», а потом сильнейшее вращение приводит к тому, что мир, все элементы начинают распадаться как в центрифуге, и потом, когда вращение заканчивается, мы получаем монстра, – то, что слиплось в некоего Двойника и стало Чудовищем²².

2. Топики страха

Топологический эффект мы получаем в том случае, когда переход двух крайних состояний друг в друга совершается непрерывно, образуя единый контур *Analys situs*²³. Если мы называем страхом различные состояние переживания опасности (угрозы жизни), то это значит, существует имя Страх для различных состояний интенсивности переживания отрицательных состояний, соответствующих страху. Там, где переходы могут быть (казаться) обрывистыми, каждый из слоев имеет свою интенсивность проявления, но имеется единство. Страх – это имя для целой области существования, в которой «качества» страха связаны между собой переходами, или *интенсивами*. Страх проявляется себя с той степенью интенсивности, которую возможно миметически освоить в данной ситуации, т.е. наделять формой и отношением, испытать и пережить. Экзистенциально-онтологические «базовые» интенсивы – тревога, «реальный страх» или объектный, фобии/боязни и, наконец, изначальный страх, *Ur-Angst*, к видам проявления которых относится целая коллекция интенсивов. Психофизиологическое равновесие организма является защитой против постоянной угрозы со стороны первоначального невыносимого ужаса, приводящего к смерти. Отзвуки подавления этого древнего архаического ужаса мы находим в спасительно-благотворном Божьем страхе.

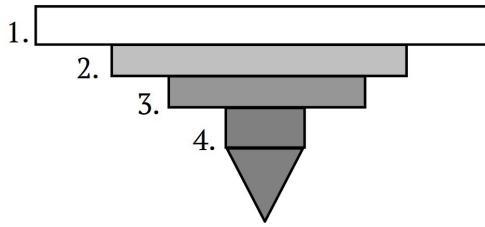
Страх имеет свою резко выраженную архитектуру форм; она близка тому, что мы назвали *воронкой водоворота*, тому, что в себя втягивает и выбрасывает в суженном и широчайшем диапазоне эмоциональных и психических трансформаций. Всякое выражение изменяет форму страха: убыстренное движение вытягивает и углубляет, более медленное расширяет, от чего утрачивается глубина переживания; внезапные вспышки страха, или фобии, прерывают, а изначальные переживания страха могут и вовсе остановить жизнь.

²¹ Жирар Р. Насилие и священное. М., 2000. С. 196–205.

²² Кайуа Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. М., 2007. С. 110–111, 236–237.

²³ Пуанкаре А. О науке. М., 1983. С. 430.

Диаграмма
Головокружение-перед-бездной

Область интенсивов

1. ТРЕВОГА, тревожность
2. СТРАХ (1), объектный, Realangst, реальный страх,
3. БОЯЗНЬ, фобии, страхи и «страшилки»
4. СТРАХ (2) изначальный, Ur-Angst, перво-страх

Тревога, тревожность

Страх без-объектный. Отсутствие объекта страха.

Страх «невротический»: беспричинный, безотчетный, «страхи», колебание между ничто/ угрожающего объекта, «не по себе» и др. нечто

Realangst, объектный страх

Страх реальный. Наличие (непосредственное) объекта страха

Боязнь

Страх смещенный (фобии). Боязни переходят в то, что называется, например, «водобоязнь», «боязнь мышей», «боязнь темноты», «боязнь касания»... (Модификации по экзистенциальной аналитике Dasein М. Хайдеггера): застенчивость, робость, напуганность, настороженность, нерешительность, суеверность, мнительность, предубежденность и др.

Ur-Angst, страх первоначальный

Интенсивы:

Страх смертный. Ужас, испуг, шок и др. Конечные и внезапные состояния страха, оцепенение, «смерть от испуга» и т.д.

Страх влечения. Влечение к переживанию страха, «желание острых ощущений», жуть, жуткое «сладкий, сладостный страх», удовольствие от страха. Томление (Sehnsucht романтиков)

Страх рождения. Страх отделения от матери; «травма рождения» (О. Ранк).

Страх кастрации или «кастрационный страх» (З. Фрейд)

Страх Божий. П. Флоренский.

Итак, размечены четыре круговых среза, образующих единую спиралевидную кривую страха. Трехмерная пространственная конфигурация имеет вид воронки, чьи стенки по мере расширения от узкого отверстия пересекаются отдельными срезами, имеющими границы. Проекция на плоскости отличается от проекций по глубине и интенсивности, а также по границам зон распространения. Надо признать, что все модификации страха (по форме, консистенции, интенсивности, другим состояниям) существенно различаются. Тем не менее в нашей схеме выражена идея целостности и взаимосвязи клинически наблюдаемых состояний страха. Это подвижная динамическая конструкция. И она позволяет переходить от одного состояния к другому на основе движения, характерного для водоворотного движения (то уходящего по спирали вглубь, то поднимающегося наверх к поверхности). Каждое

измерение в силах активизировать все «слои» страха, т.е. присвоить себе весь процесс, замедлить его или ускорить, даже остановить. Первая топика – это самое широкое измерение, включающее все другие – область *тревожности*, *без-объектного* страха, чье действие неопределенно, но постоянно. Этот верхний круг вращается крайне медленно, причем настолько, что его вращение не замечается и признается как необходимое условие нашего повседневного существования. Такое движение можно назвать *атмосферой*, которая может меняться: то сгущаться, то быть более разряженной и подвижной. Вторая топика – это область объектного или реального страха, где всякая угроза опознается и нейтрализуется поведением субъекта (свободным выбором им дистанций безопасности). Там, где субъект упирается «взглядом» в нечто страшное, всегда есть возможность дистанции, соразмерной угрозе, т.е. выход: бежать, скрываться, оставаться нейтральным, отстраняться или, напротив, нападать. Поскольку субъект обладает большей подвижностью и свободой перед объектом страха, движение его прерывисто, часто импульсивно. Конечно, он подвижен в каждой из топик по-разному. Субъект может выбирать свой страх, **н а з ы в а т ь** его имя, и вольноневольно признавать границы, отделяющие одну область страха от другой. Но и страх может выбирать. В третьей топике – это область «фобий», «боязни» и страхов – субъект лишается миметической подвижности, пока частично. Здесь его движения повторяются, устремляются в позы и жесты, субъект стремится превратить собственную «страсть», влечение или благоприобретенную патологию в ритуал. Всякое нарушение такой «защиты» ведет к страху. В одном случае, объект страха застывает, получая от субъекта выбранную им неизменную дистанцию. В другом, топика изначального страха, *Ur-Angst*, и все меняется: теперь он сам застывает, «окаменеет от ужаса», превращается в библейский «солевой столб»; не способный ни в данный момент, ни в последующий выбрать дистанцию, так как объект страха пересек черту угрожающей близости: страх был ожидаем, но не было готовности к его ошеломляющей силе. Под рукой не оказалось собственно-страха, чтобы остановить действие изначального Страха (Ужаса).

Идею страха, как мне кажется, следует изучать как некое общее эмоциональное состояние (аффект), взятое в динамике его развития и спада; страх – главный ингредиент морального чувства, такой же приблизительно, как соль и сахар в питании: без него не может проявить себя ни одно событие в эмоциональной сфере; более того, именно на основе скрытой динамики страха существуют и все другие эмоции.

Рассмотрим подробнее выделенные нами слои Страха, представляющие то, что мы назвали «головокружением-перед-бездной».

Тревожность, или безобъектный страх. Топика-I

Основные тексты Фрейда, посвященные исследованию страха: лекционные курсы «Введение в психоанализ» (1916(1915)–1933(1932)), а также работа «Торможения, симптом, страх» (1926(1925)). По мнению Фрейда, нужно разделять страх *реальный* и *невротический*: в первом случае страх имеет перед собой предмет реальной угрозы (опасности), в другом такой угрозы непосредственно нет, но тревожное состояние остается. Позитивность реального страха в нашей готовности к страху (*Angstbereitschaft*), невротический не только негативен, но и способствует развитию страха, его усилению. Фрейд называл подобный вид страха, вызывающего тревожное

состояние, свободно плавающим (*frei flottierende*). Если представить себе нечто вроде субстанции страха, то это была бы текучая форма, протестическая, которая движется, то сжимается, то расширяется... Страх невротический, тревога есть всегда нечто текучее и «заразное», липкое («холодная липкость трупа»), с трудом управляемое. «Я избегаю, – пишет Фрейд, – подходить ближе к вопросу о том, имеют ли в нашем языке слова “страх”, “боязнь”, “испуг” одинаковое или разное значение. Я только полагаю, что “страх” (*Angst*) относится к *состоянию* и не выражает внимание к объекту, между тем как “боязнь” (*Furcht*) указывает как раз на объект. Напротив, “испуг” (*Schreck*), кажется, имеет особый смысл, а именно подчеркивает опасность, когда нет готовности к страху. Так что можно сказать, что от испуга человек защищается страхом»²⁴. Аналогичной позиции придерживался и Ролло Мей: «...тревога является базовой, более глубокой реакцией – более широким понятием, а страх есть выражение той же способности в специфически объективированной форме»²⁵.

В структурном психоанализе Лакана тема страха исследуется несколько иначе. Прежде всего он разделяет страх (*peur*) и тревогу (*angoisse*), полагая, что именно тревога вполне конкретна, в отличие от страха. Приводя примеры, Лакан пытается убедить нас в том, что всякий раз, когда мы ограничиваем *рамкой* нечто внезапно возникшее и неопределенное, мы свидетельствуем о чувстве тревожности. Тревожность – это как бы растянутое во времени переживание страха, а рамка локализует его в пространстве сновидения. Получается так, что (специальная) топология страха порождает страх как тревогу: «...тревога всегда заключена в рамку»²⁶. В качестве примера Лакан берет случай «Человека-с-волками», описанный Фрейдом. Пациент рассказывает о своем раннем детском сновидении, в центре которого оказалось «дерево, на котором расселись волки», он видит их через «внезапно распахнувшееся» комнатное окно. Нарастающее чувство кошмара вызывает у него не то, что он видит, а «взгляд волков»: «...волки сидели спокойно без всякого движения на ветках дерева, справа и слева от ствола, и глядели на меня»²⁷. Рамка окна как будто нейтрализует прямую угрозу (нападения волков), но не избавляет от тревоги. Собственно, рамка и создает эффект взгляда Другого, который рассматривает нас, точнее, обнаруживает, насколько мы «оголены», незащитны перед ним. Интересно, что пробуждение от сна-кошмара наступает тотчас же, как только приходит чувство, что тебя вот-вот увидят, обнаружат...

Мысль Лакана становится намного понятнее, когда он предполагает, что всякая попытка *топически* определить угрозу, даже малую опасность, нуждается в *рамке, обрамлении*, т.е. в локализации тревожащих нас «пустот» – мест, не занятых объектами страха²⁸.

²⁴ Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989. С. 252.

²⁵ Мей Р. Смысл тревоги. М., 2011. С. 236–237.

²⁶ Лакан Ж. Семинары. Кн. 10: Тревога (1962–1963). М., 2010. С. 94.

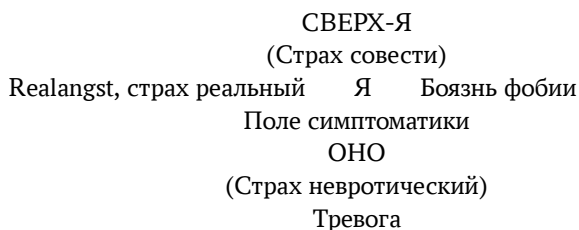
²⁷ Человек-волк и Зигмунд Фрейд. Киев, 1996. С. 172.

²⁸ Лакан Ж. Указ. соч. С. 94–95.

Страх реальный, *Realangst*. Топика-II

Реальный страх – это тот страх, в котором мы нуждаемся для того, чтобы выживать и «хорошо» адаптироваться к окружающей среде. Часто мы заставляем объект страха проявить себя и тем самым устранить его как ближайшую угрозу. Вот откуда все эти выражения: «рвать на себе волосы», «покрываться холодным потом» и т.п. Реальный страх, *Realangst*, не возникает без участия Я (экономическая теория). Мы знаем, что есть Я и что именно Я отвечает за формы психической защиты. Аффект страха – одна из форм существования Я. Вот, что пишет З. Фрейд: «Страх представляет собой аффективное состояние, которое, разумеется, может испытать только Я» или «Я является местом развития страха»²⁹. Что же относится к функции Я? «Судить», «сигнализировать», «предупреждать» об опасности? Фрейд, очевидно, разводит функцию ожидания страха и функцию страха как аффекта. Ожидание может быть аффективно окрашено, но не быть аффектом. Сигнализировать об опасности – это еще не переживать страх. Я по сути дела выступает как своего рода сигнальщик страха: так как к его функции относится вытеснение-торможение, то проявлением этой функции и будет симптомом страха.

Вот общая схема психоаналитического «места» для Страх:

Как замечает Фрейд, «...любое торможение, которое Я на себя налагает, может быть названо симптомом»³⁰. Сигналы опасности наподобие объявлений или даже красочных афиш постоянно вывешиваются Я именно там, где возможна угроза со стороны некоей опасности. В том же случае, если психическая защита Я с помощью симптомов («афиш», «объявлений», «инструкций») не удастся, то симптоматика развивается в сторону реального страха, и тогда страх, если он оказался достаточно сильным, оказывается первоначальным страхом (*Ur-Angst*). В Оно образуются чисто реактивные силы страха («первоначального»), т.е. уже само Оно является непосредственной угрозой для Я. Миметическая функция Я совершенно очевидна: Фрейд передает ему все возможности психической защиты, оставляя за Оно лишь активность либидинозных инстинктов страха. Между Я и Оно довольно странные отношения, ибо Оно представляет спонтанные силы защиты, в то время как Я – надстроенные над ними, регулятивные, не экономические. В сущности, Оно – это убежище миметического зверя, действующего в нас, но приходящего-и-предстоящего всегда как будто извне. Впрочем, Фрейд не отказывается от идеи либидинозного страха, – «превращение либидо», – в которой задействовано Оно, так называемый автоматический, спонтанный страх, основывающийся на ранней травме, «травме рождения», – комплекса,

²⁹ Фрейд З. Страх. М., 1927. С. 66.

³⁰ Там же. С. 70.

введенного в психоанализ Отто Ранком³¹. Ценность представления о том, что Я претерпевает возрастное развитие, говорит о том, насколько полно в течение жизни Я обесценивает прежние формы страха: беспомощность, утрата объекта и кастрационный страх (генитальная фаза), страх же Сверх-я = латентному периоду. Неслучайно выдвигание на первый план «бегства от опасности», естественной реакции, которая позволяет удалиться от внушающего страх объекта.

Боязнь. Тысячи фобий. Топика-III

В русском языке выражение «мне страшно» означает неопределенное ощущение (чувство) страха, в то время как выражение «Я боюсь (чего-то)», или «Мне как-то боязно (это делать)» указывает на причину этой боязни, поэтому боязнь не существует *без боязни-чего-то*, и всякая боязнь имеет некие причины. Разные и несмешиваемые друг с другом боязни, которые в клинической литературе представлены термином *фобии*. Конечно, боязнь и боязливость не несут в себе ничего патологичного, напротив, в таких словах как *предусмотрительность, внимательность, осторожность, суеверность, настороженность* и др. проглядывают качества интенциональных установок личности, и это и есть более рафинированные структуры, надстроившиеся над эмоциями страха. Такие особенности поведенческих реакций вполне могут быть истолкованы как производные от изначального чувства страха, хотя таковыми не являются. Но как только происходит замыкание на какой-либо причине беспокойства, еще не страха, тут же появляется боязнь, и боязнь конкретная, *боязнь-чего-то*. Развиваясь в сторону патологии, *боязнь-чего-то* (что получило имя, место и время в опыте) начинает замещать собой возможные связи с миром, вызывая острое чувство страха. Это и есть *фобия*. Происходит частичное, а иногда и полное опустошение мира за счет его фобийного преобразования.

В классическом психоанализе мимесис, подражание (как животная форма и отношение), получает развитие в области патологических симптомов человеческой психики. Животное здесь – не равноправный антагонист, но знак-симптом травматической ситуации: «...что только не может стать объектом или содержанием фобии: темнота, свободное пространство, открытые площади, кошки, пауки, гусеницы, змеи, мыши, гроза, острые предметы, кровь, закрытые помещения, человеческая толпа, одиночество, переход мостов, поездка по морю, по железной дороге и т.д.»³². Фрейд не видит в животной функции ничего, кроме прямой «подмены», усматривая в животном только маску Отца-кастратора, не видит, что образ животного есть продукт миметического отношения, а не просто фрагмент симптомообразования. Случаи, описанные Фрейдом, и составляют целую коллекцию животных имен пациентов: *человек-волк*³³, *человек-крыса*, *человек-«сокол»*³⁴. Животное проявляется в качестве психического события или, точнее, аффекта, оно – лишь момент в цепи событий и не обладает знаком собственного существования. Например, собака («волк») вызывает естественную реакцию

³¹ Ранк О. Травма рождения. М., 2004.

³² Фрейд З. Введение в психоанализ. С. 254.

³³ Человек-волк и Зигмунд Фрейд. Киев, 1996.

³⁴ Фрейд З. Воспоминания Леонардо да Винчи о раннем детстве // Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995. С. 176–211.

страха, так как мы боимся быть укушенными. Но Фрейд указывает на страх иного рода, навязчивый, повторяющийся невроз страха, который необъясним естественными причинами и требует более систематического истолкования. Поведение пациентов описывается в терминах эдипова комплекса: некоторые «избранные» ими животные оказываются воплощением страха перед кастрацией со стороны отца (такие признания, как «боюсь, что меня укусит лошадь, что меня сожрет волк», интерпретируются как неспособность пациента преодолеть неосознаваемый страх, вызываемый «виной» перед отцом).

Ur-Angst, страх изначальный. Топика IV

Близость невыявляемого к нам объекта страха порождает состояние ужаса, эмоционального тупика, когда мы становимся мишенью страха, не в силах объективировать сам страх. Нас сменяет состояние ужаса, место прицельного действия: шок. Ur-Angst – это настоящее испытание, полный паралич воли к выражению. Но затем происходит и нечто странное: состояние оцепенения по мере его завершения (после «шока») сходит на нет, в то время как пытающийся освободиться от страха организм захватывается, просто-таки сметается бурей беспорядочных движений (как это бывает при сильных истерических припадках). В сущности, Ur-Angst есть функция реальности. Там, где реальность предстает так, как она есть, т.е. без представления в образе, – там, можно утверждать, господствует страх. Налицо десимволизация человеческого опыта, нет ни одного образа, который смог бы нас защитить. В отличие от Ur-Angst страх всегда соотносим с определенным образом, пусть даже неустойчивым.

Замечу отдельно, что основной причиной, инициирующей литературный мимесис, скрывающий его начало, является *страх*. Между *миметическим* (как реакцией) и *страхом* (как переживанием) такое же отношение, как между лицевой стороной и изнанкой: каждая сторона скрывает другую, они никогда не обнаруживаются, но вместе с тем неотрывны в своем единстве. Страх, если угодно, есть имманенция миметического, и наоборот³⁵.

Интересно, что Р. Отто, например, отказывает первоначальному страху в транзитивности: этот страх/ужас непереходен, т.е. не может трансформироваться в силу своей интенсивности в другое состояние страха, напротив, образует настолько сложную эмоциональную форму, что не приходится говорить о том, что она может быть эквивалентна какой-либо другой. Вот что он пишет:

Тот, кто способен к более острому различению душевных состояний, должен видеть, что подобный «ужас» совершенно отличается от естественного страха не только степенью или силой и уж никак не является просто особенно высоким уровнем последнего. Сущность «ужаса» совершенно независима от уровня интенсивности. Он *может* быть столь сильным, что пронизывает до мозга костей, так, что волосы становятся дыбом, а руки ноги трясутся. Но он может заявить о себе и в самом легком возбуждении, как едва заметная и мимолетная смена душевного состояния. Это чувство содержит в себе свои степени, не будучи само степенью чего-то другого.

³⁵ Фрейд З. Введение в психоанализ. С. 252, 254.

Никакому естественному страху не достичь его путем своего простого возрастания. Меня может охватить безмерный страх или испуг, я могу тревожиться, но при этом не будет и следа чувства «жути». Если бы психология более решительно различала и сортировала «чувства» по их качественным отличиям, это стало бы еще яснее³⁶.

С одной стороны, Отто взывает к первоначальности этой нуминозности страха, настолько всеохватывающей, что ему не надо быть даже самим собой, т.е. «Ужасом» (Schauer). «“Ужас” обращается здесь в бесконечно облагороженную форму глубочайшего внутреннего трепета и безмолвия, пронизывающего душу до последних ее корней». С другой стороны, отказывая разновидностям страха в автономии (в многообразии интенсивных качеств), Отто организует вокруг имени страха целый словарь разного рода предикаций. Имя УЖАС собирается автором из многих дополнительных имен, так пишется его полное имя, момент за моментом. Но сами моменты включены в действия этой первоначальной нуминозности ужаса. Но по сути дела идет речь о чисто религиозном переживании страха. Имя Страха – Ужас.

Итак, это переживание нуминозности бытия, сакральный опыт, само священное раскрывается во множестве моментов: 1) *tremendum* (момент ужасающего, вызывающего трепет) и 2) *majestas* – момент всемогущего (сила, власть, всемогущество и т.п.), соединяясь, образуют третий момент, из них произведенный, это 3) *orge*, гнев Бога, точнее, выражение его могущества и энергии; 4) *fascinans* – это уже зачарованность, некая разновидность погружения в божество, «...дает покой, который высится над всяким разумом», некая безмерность и полнота душевного переживания, особенно часто встречается при религиозных обращениях; 5) далее *deinos* (Ungeheure), ни с чем не сравнимое, не имеет пространственной меры и масштаба, что подавляет своими размерами, то, что является ужасным, ужасающим; 6) *augustum* – это высшая этическая ценность нуминозности, т.е. погружения в глубокое религиозное переживание, «...*fascinans* относится к субъективному в *nunc*, а именно к тому блаженству, которое вызывает у меня ценность. Напротив, *augustum* есть объективная ценность в-себе»³⁷. Все эти моменты религиозного опыта не являются устойчивыми, скорее они представляют собой некую непрерывность, единую временность, которая включает в себя нуминозное.

В сущности, нуминозность священного ужаса определяется здесь с помощью тех «качеств», которые мы назвали *интенсивами* страха. Что возвращает нас к вопросу: есть ли у Страха другое имя, кроме Страха?

Список литературы

- Вежбицкая А. Сопоставление культур через средство лексики прагматики / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. IV. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. 683 с.

³⁶ Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. С. 27–28.

³⁷ Там же. С. 94–95.

- Деррида Ж.* Вокруг Вавилонских башен / Пер. с фр. В. Лапицкого. СПб.: Академический проект, 2002. 160 с.
- Жиран Р.* Насилие и священное / Пер. с фр. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 400 с.
- Кайуа Р.* Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: ОГИ, 2007. 304 с.
- Кьеркегор С.* Страх и трепет / Пер. с дат. И.В. Исаевой, С.А. Исаева. М.: Республика, 1993. 384 с.
- Лакан Ж.* Семинары. Кн. 10: Тревога (1962–1963) / Пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис: Логос, 2010. 421 с.
- Липавский Л.* Исследование ужаса. М.: Ad Marginem, 2005. 445 с.
- Мей Р.* Смысл тревоги / Пер. с англ. А. Багрянцевой. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. 410 с.
- Отто Р.* Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношения с рациональным / Пер. с нем. А. Руткевич. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. 272 с.
- По Э.* Полное собрание рассказов / Пер. с англ. М.П. Богословской. М.: Наука, 1970. 799 с.
- Пуанкаре А.* О науке / Пер. с фр. под ред. Л.С. Понтрягина. М.: Наука, 1983. 560 с.
- Ранк О.* Травма рождения / Пер. с англ. О. Лежниной под ред. В. Медведева. М.: АГРАФ, 2004. 389 с.
- Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто / Пер. с фр. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.
- Фрейд З.* Страх / Пер. с нем. М.В. Вульфа. М.: Современные проблемы, 1927. 104 с.
- Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции / Пер. с нем. Г.В. Барышниковой. М.: Наука, 1989. 455 с.
- Фрейд З.* Воспоминания Леонардо да Винчи о раннем детстве / Пер. с нем. Р.Ф. Додельцева // *Фрейд З.* Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. С. 176–211.
- Человек-волк и Зигмунд Фрейд* / Пер. с англ. под общ. ред. А.А. Юдина. Киев: Порт-Роял, 1996. 349 с.
- Хайдеггер М.* Время и бытие. Статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
- Эйзенштейн С.М.* Избранные произведения: в 6 т. Т. 3. М.: Искусство, 1963. 672 с.
- Ясперс К.* Философия. Книга вторая: Просветление экзистенции / Пер. с нем. А.К. Судачкова. М.: Канон+, 2012. 448 с.
- Derrida J.* Les Yeux de la langue. L'abime et volcan. Paris: Galilée. 2012. 85 p.
- Jaspers K.* Philosophie. II Existenzerhellung. Berlin; Gottingen; Heidelberg: Springer-Verlag, 1956. 440 S.
- Vernant J.-P.* La mort dans les yeux. Paris: Hachette, 1985. 91 p.

Name: Fear. On one existential passion

Valery A. Podoroga

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: vpodoroga@mail.ru

The purpose of this article is to determine the main modalities of the concept of fear, which can be topically investigated. “Fear” is understood as a name for all “fears”. If fear appears in the unity of experience, without ceasing to differ within it, then fear is not a thing, but a relation between an increasingly refined sensitivity to dangers and the possibility/impossibility of avoiding them. The arguments of Kierkegaard, Sartre, Heidegger, Jaspers, and Freud are considered. Four modalities identify the general scheme of Fear: anxiety, “real fear” (Realangst), fear/phobias, the original fear (Ur-Angst). There is an interaction between them that allows us to trace the transitions from one modality of fear

to another by analogy with a “whirlpool movement” whose dynamics depends on the strength of emotional experiences.

Keywords: metaphysics, vertigo-before-the-abys, funnel, anxiety, fears/phobias, real fear, nothing, topic of fear, primordial fear, fear of God, castration fear, fear of birth

For citation: Podoroga, V. A. “Имя: Страх. Об одной экзистенциальной страсти” [Name: Fear. On one existential passion], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, No. 3, pp. 49–66. (In Russian)

References

- Caillois, R. *Igry i lyudi. Stat'i i esse po sotsiologii kul'tury* [Man, play and games], trans. by S.N. Zenkin. Moscow: UHE Publ., 2007. 304 pp. (In Russian)
- Dal, V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language], Vol. IV. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh I natsional'nykh slovarei Publ., 1955. 683 pp. (In Russian)
- Derrida, J. *Vokrug Vavilonskikh bashen* [Around Babilons Towers], trans. by V. Lapizky. St. Petersburg: Academic project Publ., 2002. 160 pp. (In Russian)
- Derrida, J. *Les Yeux de la langue. L'abime et volcan*. Paris: Galilée. 2012. 85 pp.
- Eisenstein, S. *Izbrannye proizvedeniya v shesti tomakh* [Selected works], Vol 3. Moscow: Iskustvo Publ., 1963. 672 pp. (In Russian)
- Freud, S. *Strakh* [Fear], trans. by M.V. Wulf. Moscow: Contemporary problems Publ., 1927. 104 pp. (In Russian)
- Freud, S. *Vvedenie v psikhoanaliz* [Introductory Lectures on Psycho-Analysis], trans. by G.V. Baraschnikova. Moscow: Nauka Publ., 1989. 455 pp. (In Russian)
- Freud, S. “Vospominaniya Leonardo da Vinchi o rannem detstve” [Leonardo da Vinci, A Memory of His Childhood], trans. by R.F. Dodelzeva, in: S. Freud, *Khudozhnik I fantazirovanie* [Artist and fantasy]. Moscow: Respublika Publ., 1995, pp. 176–211. (In Russian)
- Freud, S. *Sluchai Cheloveka-Volka (Iz istorii odnogo nevroza)* [From the History of an Infantile Neurosis (the Wolfman case history)], ed. by A.A. Udin. Kiev: Port-Royal Publ., 1996. 349 pp. (In Russian)
- Girard, R. *Nasilie i svyashhennoe* [Violence and the sacred], by G. Dashevsky. Moscow: New Literary Observer Publ., 2000. 400 pp. (In Russian)
- Heidegger, M. *Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya* [Time and being], trans. by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika Publ., 1993. 447 pp. (In Russian)
- Jaspers, K. *Philosophie*. II Existenzerhellung. Berlin; Gottingen; Heidelberg: Springer-Verlag, 1956. 440 S.
- Jaspers, K. *Filosofiya. Kniga vtoraya. Prosvetlenie ekzistentsii* [Philosophy II], trans. by A.K. Sudakov. Moscow: Canon+ Publ., 2012. 448 pp. (In Russian)
- Kierkegaard, S. *Strakh i trepet* [Fear and trembling], trans. by I.V. Isaeva and C.A. Isaev. Moscow: Respublika Publ., 1993. 384 pp. (In Russian)
- Lacan, J. *Seminary* [Seminars], Book 10, trans. by A. Chernoglasov. Moscow: Gnosis Publ.: Logos Publ., 2010. 421 pp. (In Russian)
- Lipavsky, L. *Issledovanie uzhasa* [An Investigation of Horror]. Moscow: Ad Marginem Publ., 2005. 445 pp. (In Russian)
- May, R. *Smysl trevogi* [The Meaning of Anxiety], trans. by A. Bagryantseva. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2011. 410 pp. (In Russian)
- Otto, R. *Svyashchennoe. Ob irratsional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnosheniya s ratsional'nym* [The Idea of the Holy], trans. by A. Rutkevich. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 2007. 272 pp. (In Russian)
- Poe, E. *Polnoe sobranie rasskazov* [The collection of short stories], trans. by M.N. Bogoslovsky. Moscow: Nauka Publ., 1970. 799 pp. (In Russian)
- Poincaré, H. *O nauke* [On science], ed. by L.S. Pontryagin. Moscow: Nauka Publ., 1983. 560 pp. (In Russian)

- Rank, O. *Travma rozhdeniya* [The Trauma of Birth], trans. by O. Lezneva. Moscow: AGRAF Publ., 2004. 389 pp. (In Russian)
- Sartre, J.-P. *Bytie i nichto* [Being and nothingness], trans. by V.I. Koliadko. Moscow: Respublika Publ., 2000. 639 pp. (In Russian)
- Vernant, J.-P. *La mort dans les yeux*. Paris: Hachette, 1985. 91 pp.
- Wierzbicka, A. *Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki pragmatiki* [Semantics, Culture and Cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations], trans. by A.D. Shmelev. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001. 272 pp. (In Russian)